

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1246–1258, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1246-1258

К вопросу о дискурсивных практиках в конструировании нового человека средствами советской фотографии (на материале публикаций в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в 1957–1964 гг.)

Виктория Васильевна Куканова¹, Лариса Бадмаевна Манджикова²,
Любовь Борисовна Манджиева³

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-1761-2738. E-mail: mandzhieva@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Куканова В. В., Манджикова Л. Б., Манджиева Л. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Борьба за историческую правду, которая систематически осуществляется государством, делает актуальным обращение к теме Великой Отечественной войны, к исследованию дискурсивных практик в регионах советского государства. *Целью* данной работы является выявление дискурсивных практик в формировании нового человека при помощи фотографий, опубликованных в главной газете Калмыцкой АССР «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в период 1957–1964 гг. *Материалы и методы.* Методом сплошной выборки были рассмотрены чуть более 10 тыс. фотографий из газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») за период 1957–1964 гг., при этом анализировались и локальные фотографии, и те снимки, которые направлялись «центром» (ТАСС) для опубликования в республиканских средствах массовой информации. В качестве методов исследования применяются метод анализа фотографий на различных уровнях, количественные методы, метод экстраполяции. *Выводы.* В ходе анализа фотографий как визуальных свидетельств прошлого, опубликованных в региональной газете

«Хальмг үнн» в период 1957–1964 гг., было выявлено, что в идеологические приемы, использовавшиеся в этот период, не включалась в полной мере тема Великой Отечественной войны, которая выступала одним из способов конструирования общей советской идентичности, поскольку Великая Отечественная война навсегда теперь будет связана с депортацией народа. Визуальный ряд, создаваемый в республиканской газете, создает образ восстанавливаемой республики, что, на наш взгляд, обусловлено спецификой ситуации, а именно с депортацией, которая была осуществлена в годы войны и к тому же была связана с лживыми обвинениями народа в предательстве в период войны. По этой причине центр использует идею возрождения республики, которую воспринимали калмыки как идею возрождения народа, освобождению его от обвинений, очищению от клейма депортированного народа, что выражается в лейтмотиве всех фотографий (стройка, новые дома, новые здания), именно эта дискурсивная практика, используемая в газете, соответствует тем настроениям, которые фактически царили после возвращения из ссылки среди калмыцкого народа. Сочетание реальных эмоций людей и идеологических установок позволило сформировать нового советского человека в Калмыцкой АССР.

Ключевые слова: газета, фотография, визуальный источник, дискурсивные практики, Великая Отечественная война, депортация калмыцкого народа

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Куканова В. В., Манжикова Л. Б., Манджиева Л. Б. К вопросу о дискурсивных практиках в конструировании нового человека средствами советской фотографии (на материале публикаций в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в 1957–1964 гг.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 14. № 6. С. 1246–1258. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-58-6-1246-1258

Discursive Practices in the Formation of New Man through Soviet Photography Revisited: A Case Study of the *Khalmg Ünn* Newspaper, 1957–1964

Viktoriya V. Kukanova¹, Larisa B. Mandzhikova², Lyubov B. Mandzhieva³

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director
 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0002-1761-2738. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Kukanova V. V., Mandzhikova L. B., Mandzhiev L. B., 2021

Abstract. Introduction. The struggle for historical truth systematically conducted by the Government makes it essential enough to address the topic of the Great Patriotic War for further insights into actual discursive practices across Soviet regions. Goals. The work *aims* at identifying certain patterns of discursive practices once instrumental in the shaping of new man through means of Soviet photography and, specifically, the images published by the *Khalmg Ünn* (Kalm. 'Kalmyk truth') newspaper, a key periodical of the Kalmyk ASSR, between 1957 and 1964. *Materials and methods.* The continuous sampling method has been instrumental in examining over 10.000 photographs published in 1957 to 1964, the analysis having included both local images and ones delivered by the 'Center' (TASS) for further publication in the republican media. The research methods employed are the photograph

analysis method (at various levels), quantitative methods, and that of extrapolation. *Conclusions.* The analysis of 1957–1964 *Khalmg Ünn* photographs as visual evidence of the past reveals that the then ideological techniques did not involve the theme of the Great Patriotic War to the full: despite the latter served a key element in the shaping of common Soviet identity, it was thenceforth closely associated with the drama of Kalmyk Deportation to Siberia. The newspaper's visual imagery depicts a republic under reconstruction which was allegedly determined by the specific situation to have resulted from that the Deportation had been undertaken and explained by false accusations of treason and collaborationism — during war years. So, the Center was articulating the idea of restoration and revival of the Republic to be perceived by the Kalmyks as a revival of the ethnos, withdrawal of any charges, complete rehabilitation — and this is manifested in all photographs (construction sites, new buildings and facilities), this key discursive practice employed was to meet the sentiments of Kalmyks to have just relieved and arrived in ancestral lands. The combination of true emotions and ideological patterns created a platform for the formation of new Soviet man in the Kalmyk ASSR.

Keywords: newspaper, photography, visual source, discursive practice, Great Patriotic War, Kalmyk Deportation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'National Information Resources in Scientific and Cultural Space' (state reg. no. AAAA-A19-119090590086-0).

For citation: Kukanova V. V., Mandzhikova L. B., Mandzhiev L. B. Discursive Practices in the Formation of New Man through Soviet Photography Revisited: A Case Study of the *Khalmg Ünn* Newspaper, 1957–1964. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 14(6): 1246–1258. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-58-6-1246-1258

Введение

Визуальная антропология в последнее время обретает особое значение в исследовании вопросов повседневности, дискурсивных практик, которые можно реконструировать в том числе и по фотографиям, сохранившимся до нашего времени. Актуальность анализа фотографий как объектов визуальной антропологии позволяет изучить ту ускользающую реальность, которую достаточно сложно восстановить из архивных материалов, официальных документов, где в большой степени содержится фактологическая информация, сухие цифры.

Фотография — «это почти всегда совместный нарратив модели и фотографа, а позже и человека, который рассматривает данное изображение» [Богданова 2012: 100]. Некоторые исследователи фотографий изучают их с точки зрения искусства, другие же ученые подчеркивают, что нужно рассматривать их как своеобразный «архив, требующий археологического исследования», заключающегося в анализе условий их создания [Краусс 2003: 152].

Целью данной работы является выявление дискурсивных практик в формировании нового человека при помощи фотографий, опубликованных в главной газете Калмыц-

кой АССР «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в период 1957–1964 гг., с момента возвращения калмыков из незаконной ссылки в восточные регионы страны в 1957 г. и до 1964 г., до конца периода, когда страной руководил Н. С. Хрущева. Этот период, как известно, называется «оттепелью», когда произошли изменения во внутренней и внешней политике СССР, характеризовавшиеся осуждением культа личности И. В. Сталина и репрессий, освобождением политических заключенных, отказом от жесткой тоталитарной политики, относительной либерализацией политической и общественной жизни, некоторой свободой в творчестве, а также большей открытостью страны миру.

Самое значительное для калмыцкого народа событие произошло 9 января 1957 г.: были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» и Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края», а 12 января 1957 г. был также принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области Ставропольского края». В соот-

ветствии с данными указами восстанавливалась государственность калмыцкого народа в существовавшей до октября 1935 г. форме — в качестве субъекта РСФСР, но в составе другого субъекта — Ставропольского края. Этими же актами устанавливались границы и административно-территориальное устройство Калмыцкой автономной области [Максимов 2009: 614]. Именно с этого времени и начинается история газеты «Хальмг үнн» [Джамбинова и др. 2009: 495], печатного органа Калмыцкого обкома КПСС, Верховного совета и Совета министров Калмыцкой АССР.

Материалы и методы

Методом сплошной выборки были рассмотрены чуть более 10 тыс. фотографий из газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») за период 1957–1964 гг., при этом анализировались и локальные фотографии, и те снимки, которые направлялись «центром» (ТАСС) для опубликования в республиканских средствах массовой информации. Однако в Научной библиотеке им. П. Э. Алексеевой Калмыцкого научного центра РАН и в Национальной библиотеке им. Амур-Санана отсутствует ряд номеров газеты (всего 50 номеров за период 1959–1964 гг.: за 1959 г. — №№ 30, 38, 41; за 1960 г. — №№ 28–29, 41, 42, 67, 158, 203, 231, 238, 247; за 1961 г. — №№ 69, 110, 119, 155, 169, 196; за 1963 г. — №№ 135, 153, 156, 194, 197, 230; за 1964 г. — №№ 8, 52, 122, 129, 130, 131–150), к нашему сожалению, найти утерянные номера газет уже не представляется возможным. В качестве методов исследования применяются метод анализа фотографий на различных уровнях, количественные методы, метод экстраполяции. Техническое качество изучаемых фотографий различно: часть из них четкая, с хорошей ретушью, часть — с бледным, размытым изображением.

Обращение к теме Великой Отечественной войны

С понятием «Родина» связана самоидентификация, которая основана на официальной эстетизации и собственной (индивидуальной) конструкции указанного выше термина. Доминирующая роль партии отчасти прослеживается и в газетных фотографиях, не случайно в докладе Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на

первом месте перечисления однородных дополнений стоит слово «партия», а затем уже следует «Родина» [Хрущев 1997: 411, 423], при этом это сочетание слов следует понимать и как партия = Родина. Н. С. Хрущев в своем докладе делает много отсылок к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Хрущев 1997: 392, 406, 408, 409, 410 и др.], тем самым указывая на общность событий, уже ставших историей для советского государства.

Наличие общей истории, в особенности трагических страниц, у народов, которые составляют то или иное государство, важный конструктивный элемент с точки зрения выстраивания определенной идеологии, при этом «СССР ничем не отличался от любого буржуазного государства XIX–XX вв., конструировавшего собственную историческую традицию и формировавшего память о прошлом, обеспечивающую население страны общей национальной идентичностью» [Бушмаков 2019: 26]. Так, «конструирование образа Великой Отечественной войны определялось официальными политико-идеологическими установками» [Клинова, Трофимов 2021: 37], во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. акцент был смещен на вклад простых советских людей в Победу над фашистской Германией с роли личности И. В. Сталина¹ в войне, при этом в этот период военная тема уже не освещается на первых страницах советских газет, а занимает второстепенные места в новостной ленте событий² [Клинова, Трофимов 2021: 42].

¹ 9 мая 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. был объявлен Праздником Победы, однако Указ Президиума Верховного Совета от 23 декабря 1947 г. отменил праздник. Позже Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.04.1965 г. 9 мая вернули статус праздника. См. Система Гарант [электронный ресурс] // URL: <https://garant.ru> (дата обращения: 09.10.2021).

² Н. С. Хрущев считал, что 9 мая у советского народа ассоциируется со И. В. Сталиным, возможно, по этой причине он не отменял Указ Президиума Верховного Совета от 23 декабря 1947 г. (см. подробно: Почему День Победы не праздновали 17 лет? [электронный ресурс] // URL: <https://masterok.livejournal.com/5310650.html> (дата обращения: 12.09.2021)).

Газета «Хальмг үнн», как ранее писалось, была официальным печатным органом Калмыцкого обкома КПСС, поэтому нами предполагалось, что поскольку в ней размещается информация официального характера, то должны были быть опубликованы материалы, связанные с образом Родины, в том числе и по теме Великой Отечественной войны, поскольку со дня Победы прошло всего 12 лет. В газете «Хальмг үнн» (1957–1964 гг.) имеются единичные упоминания о Великой Отечественной войне, как правило, в преддверии празднования 9 мая (об этом мы уже упоминали в [Куканова и др. 2019: 1112]), при этом публикация материалов про войну имеет свои особенности. Возникает закономерный вопрос, чем это было обусловлено. С одной стороны, официальные идеологические установки могли стать этому причиной¹, но, с другой стороны, ссылка калмыцкого народа в восточные регионы советского государства и неофициальная причина этой депортации — якобы имевшее место бегство 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии с полей сражений [Убушаев 2007: 152] — могли также обусловить недостаточное внимание к этой теме на страницах газеты.

Рассмотрим тематическое распределение фотографий, опубликованных в газе-

те «Хальмг үнн» за 1957–1964 гг. Данные, приведенные в таблице 1, несколько отличаются от тех, которые были опубликованы в нашей предыдущей работе [Куканова и др. 2019: 1112].

Как показывают данные по тематическому распределению фотографий, приведенные в таблице 1, военной теме и теме депортации уделяется минимальное внимание, из всего массива фотографий, опубликованных в газете «Хальмг үнн» за 1957–1964 гг., на указанные выше темы (не включая тему возвращения домой) приходится 90 единиц, причем в первые годы после возвращения на родину их совсем мало.

На наш взгляд, обращение советской власти к общим историческим событиям, а именно к Великой Отечественной войне, в национальной газете Калмыкии как способу конструирования общности советских людей, объединенных идеей защиты Родины, не могло принести те же самые результаты, как, например, в других национальных субъектах, титульное население которых не подверглось депортации по огульным обвинениям, основанным на мифах советской пропаганды. Представителям власти было бы нецелесообразным и необоснованным обращаться к теме Великой Отечественной войны, поскольку именно в период Великой Отечественной войны состоялись депортации ряда «наказанных» (по выражению исследователей) народов, и огульные обвинения в недостаточном проявлении воинской доблести — как в случае с 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии — служили одними из ложных аргументов среди обвинений, выдвинутых против целых народов. Особенно трагичным являлось и то, что воины-калмыки подверглись репрессиям по национальному признаку: рядовой и сержантский состав калмыков-военнослужащих Красной армии был направлен в Широкаг, т. е. фактически в систему ГУЛАГа. Победа в Великой Отечественной войны дала советскому народу ощущение внутренней спаянности, гражданского единства перед общим врагом, однако не все народы (калмыки, чеченцы, балкарцы и др.) могли ощутить это чувство в полной мере, поскольку официально их «исключили» из этого процесса и из этого триумфального события, они будто были не

¹ Существует несколько мнений об отмене праздника 9 мая И. В. Сталиным: согласно первой точке зрения, фронтовики, увидев, как живут люди за границей, могли задавать «неудобные» вопросы о своей стране; согласно второй точке зрения, если 9 мая продолжать отмечать на государственном уровне, то это должно повлечь исполнение целого ряда мер, которые государство в послевоенный период не могло себе позволить. К. Залесский, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны 1939–1945 гг. им. О. А. Ржешевского, в интервью отмечает, что «отмена празднования 9 Мая — это политический ход, направленный на утверждение коммунистических идеалов. День Победы — идеал не коммунистический, это идеал народный, потому что победила в войне не советская власть». См. подробно: Интервью с К. Залесским [электронный ресурс] // URL: <https://lenta.ru/articles/2020/05/08/vd/> (дата обращения: 12.09.2021); Почему День Победы не праздновали 17 лет? [электронный ресурс] // URL: <https://masterok.livejournal.com/5310650.html> (дата обращения: 12.09.2021).

Таблица 1. Тематическое распределение фотографий, опубликованных в газете «Хальмг үнн» за 1957–1964 гг.

[Table 1. Photographs published by topics. *Khalmg Ünn* newspaper, 1957–1964]

№	Темы	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	Итого
1	Строительство, восстановление народного хозяйство	39	61	63	77	36	79	61	140	556
2	Сельское хозяйство	25	63	77	51	152	161	234	141	904
3	Рабочие моменты на производстве	27	59	29	73	167	149	246	268	1 018
4	Передовики производства, депутаты, известные люди республики	74	90	82	313	347	271	242	261	1 680
5	Возвращение на родину	14	12	2	–	–	1		–	29
6	Культура, образование, наука, спорт	19	57	53	107	171	196	150	269	1 022
7	Партийная и агитационная работа	20	29	11	91	60	114	74	65	464
8	Здраво-охранение	3	7	3	1	7	11	8	5	45
9	Война	7	8	4	5	17	22	11	11	90
10	ТАСС СССР	5	196	611	477	371	253	643	329	3 019
	ТАСС международная жизнь	–	63	114	237	385	191	203	99	1 383
Итого:		233	645	1 051	1 432	1 713	1 448	1 872	1 588	10 411

при чем, не принимали никакого участия в указанных событиях.

Тема Великой Отечественной войны и депортации в послевоенный период и некоторое время после смерти И. В. Сталина, по сути, замалчивалась многими поколениями калмыцкого народа, что нашло отражение и на страницах республиканских газет, в научных работах [Очилов 2021: 940–943], и только после 1957 г. ситуация стала меняться [Очилов 2021: 943–946], однако в публикациях газеты «Хальмг үнн» данной теме было уделено небольшое место. Идеологи советской власти избрали для калмыцкого народа иные способы конструирования общей советской идентичности, поскольку

конкретно в этом случае, когда тема войны была прочно связана с темой депортацией, «не работает» репрезентация истории как «института легитимации и механизма по производству идентичности» [Добренко 2008: 8].

«Целевая» аудитория

Не менее важен и поколенческий аспект. Представления о родине — территории Нижнего Поволжья — имели существенное значение для старшего поколения, которое уже в достаточно сознательном возрасте было депортировано в восточные регионы страны, а для поколений, которые выросли или появились на свет уже в местах ссылки, малой родиной стала Сибирь (Казахстан,

Сахалин и т. д.) [Гучинова 2021: 724]. Для них Калмыкия выступала, конечно, родной, но это чувство сформировалось не естественным путем, а через память старших поколений.

Часть калмыков погибла в период войны (или пропало без вести)¹, другая часть более старшего поколения скончалась или в пути следования², или уже в местах ссылки³, третья часть погибла в Широклаге⁴. В 1957 г. в Калмыкию вернулась⁵ в основном молодежь, калмыков почтенного возраста в силу разных причин было уже совсем мало, что будет показано ниже (см. табл. 2). Так, по данным Всероссийской переписи 1959 г., в Калмыцкой АССР проживало 184 857 чел., из них 64 882 чел. калмыцкой национально-

сти⁶ [Итоги ... 1963: 324]. По возрасту население республики распределялось следующим образом (см. в табл. 2).

Из приведенных в [Итоги ... 1963] данных не ясно, сколько было калмыков в каждой возрастной группе. Однако, исходя из тенденций, характерных в целом для тех лет, попытаемся экстраполировать общие данные по возрастным группам населения Калмыцкой АССР на часть данных в указанной общей совокупности, хотя при этом оговоримся, что в случае с демографией калмыцкого народа не только действовали общие закономерности, характерные для советского общества в целом, но и также имела большое влияние на нее и депортация народа, в результате которой были понесены безвозвратные человеческие потери. Предположим, что количество человек в каждой возрастной группе составляло, согласно демографическим тенденциям, определенную долю (которая вычисляется в процентном соотношении, приведено в 5-м столбце табл. 2). Нам известно, что по переписи 1959 г. проживало в республике 64 882 калмыка. Следовательно, экстраполируя процентные соотношения по возрастным группам, можно предположить, сколько было калмыков в каждой возрастной группе. Цифры, которые получены нами, носят условный характер и не являются точными, поскольку, конечно, имеют ошибки, которые вполне могут вписаться в статистическую погрешность. Наши расчеты приведены в табл. 2, где в 3-м столбце дается распределение населения Калмыцкой АССР по возрастным группам, а в 4-м столбце указываются наши расчетные цифры о предполагаемом количестве калмыцкого населения в возрастных группах.

⁶ Всего в РФССР насчитывалось 100 603 чел. калмыцкой национальности [Итоги ... 1963: 302], из них в Калмыцкой АССР проживало 64 882 чел. [Итоги ... 1963: 324], Астраханской области — 12 687 чел. [Итоги ... 1963: 320], в Сталинградской — 4 474 чел., Ростовской — 2 660 чел., в Ставропольском крае — 1 764 чел. [Максимов 2009: 630]. Калмыки продолжали возвращаться и после 1959 г., хотя к концу 1959 г. плановое переселение калмыков в основном завершилось [Максимов 2009: 630]. Если отнять все эти цифры от общей, то получается, что 14 136 чел. калмыцкой национальности к моменту переписи так и не вернулись в родную республику или на сопредельные территории.

¹ В 1941–1943 гг. на фронтах Великой Отечественной войны сражалось 25 747 калмыков (из них из Калмыцкой АССР — 21 129, из других областей и краев СССР — 4 618), из них погибли — 4 545, умерли в госпиталях — 1 449, попали в плен или пропали без вести — 7 458 человек [Максимов 2010: 346]. По неофициальным данным, из Калмыкии только в сентябре 1942 г. немцы принудительно отправили на работу в Германию 1 115 чел. [Максимов 2013: 215].

² По официальным данным НКВД СССР от 27 января 1944 г., в пути следования умерли 1 640 чел. [Максимов 2009: 587].

³ По официальным данным, по справке отдела спецпоселений НКВД СССР на 1 октября 1944 г. значилось 83 688 калмыков [Ссылка калмыков 2001: 145]. Через три года на спецпоселении значилось 74 918 калмыков, а еще 1 364 калмыка были освобождены от учета [Куканова, Очиров 2021: 757].

⁴ Данная цифра еще не известна ввиду отсутствия доступа к официальным данным. Военнослужащие, снятые с фронтов Великой Отечественной войны, в Широклаге стали умирать от дистрофии, деменции, пеллагры, преждевременного одряхления организма [Широклаг 2000: 5]. По сведениям Н. К. Шарапова, который работал в отделе статистики Широклага, только за год умерло 911 из 3,6 тыс. калмыков [Широкстрой 1994: 138]. Почти к концу войны, весной 1945 г., «широклаговцев» начали демобилизовать и отправлять к родственникам, на спецпоселение [Очиров, Воробьева 2020: 354–355].

⁵ Оргбюро и Оргкомитет предполагали, что с восстановлением автономной области в прежних границах республики калмыцкое ее население составит 82 тыс. чел. [Максимов 2009: 612].

Таблица 2. Распределение населения Калмыцкой АССР по возрасту и национальности
(сост. по: [Итоги ... 1963: 68–69])

[Table 2. Population of the Kalmyk ASSR by age and nationality]

Возрастная группа	Примерные года рождения	Количество населения в Калмыцкой АССР в 1959 г.	Предполагаемое количество калмыцкого населения*	в %
1	2	3	4	5
0–9 лет	1950–1959	51 752	18,1 тыс.	28,00
10–19 лет	1940–1949	26 719	9,3 тыс.	14,45
20–24 лет	1935–1939	19 077	6,6 тыс.	10,32
25–29 лет	1930–1934	17 457	6,1 тыс.	9,44
30–34 лет	1925–1929	15 712	5,5 тыс.	8,50
35–39 лет	1920–1924	8 020	2,8 тыс.	4,34
40–44 лет	1915–1919	8 022	2,8 тыс.	4,34
45–49 лет	1910–1919	9 930	3,4 тыс.	5,37
50–54 лет	1905–1909	7 756	2,7 тыс.	4,20
55–59 лет	1900–1904	6 119	2,1 тыс.	3,31
60–69 лет	1890–1899	8 024	2,8 тыс.	4,34
70 лет и старше	до 1889	6 269	2,1 тыс.	3,39
		184 857	64 882	100

* В 4-м столбце указывается округленное число.

Из приведенной выше таблицы видно, что около 34 тыс. чел. — это люди, которые родились, во-первых, в довоенной Калмыкии и во время войны (они были депортированы еще детьми, некоторые из них, наверно, помнили родные степи, однако эти воспоминания носили обрывочный, фрагментарный характер, кроме того, взросление проходило уже в ссылке), во-вторых, в местах ссылки (они знают о Калмыкии только со слов старшего поколения, социализация однозначно проходила в местах депортации), в-третьих, в восстановленной республике. Кроме того, в 34 тыс. калмыков входят и калмыки, входящие в возрастную группу от 0–9 лет, которые были еще маленькими детьми и которые, конечно, в таком возрасте еще не читают газет. Надо сказать, что и дети старше этой возрастной группы обычно не читают еще газет. Эта цифра составляет чуть более половины от всех калмыков, по переписи 1959 г.

Остальная часть (чуть более 30 тыс. чел.) — это калмыки, родившиеся в довоенной Калмыкии и депортированные в сознательном возрасте, при этом население, кото-

рое принадлежало к почтенному возрасту, т. е. старше 50 лет, составляло только около 10 тыс. Именно для них, кто родился до 1935 г., Калмыкия по-настоящему была родной землей. Ими и принималось твердое решение вернуться в восстановленную республику, благодаря тяжелому труду молодого и среднего поколений родная земля возродилась из послевоенной разрухи, хотя и прошло со дня Победы более одного десятилетия. Поэтому достаточно определенно можно утверждать, что для советской власти «целевой» аудиторией выступало именно молодое и среднее поколение, мировоззрение и мировосприятие которого можно сформировать или откорректировать.

Инаковость на страницах газет

Советские идеологи в том числе и при помощи газеты формировали советского человека, но при этом использовали способы, характерные для советского пространства в целом. В газетах практически стиралась национальная идентичность, что обнаруживается в газетных фотографиях, на которых проявление элементов этничности (национальных костюмов, инструментов и т. д.),

«чужого» по отношению к советской власти, сводилось к минимуму [Куканова и др. 2019: 1115]. Это так называемое «чужое», но генетически «свое» для калмыков становилось чуждым, инаковым и для них самих, которые рассматривали, например, калмыцкую одежду как устаревшую, не соответствующую облику строителя коммунизма. Границы между «своим» и «чужим» просто не было, поскольку «свое» исчезало из жизни, а «чужое» становилось «своим», т. е. таким образом уничтожалась многоуровневая идентичность, присущая каждому человеку. И дело здесь не в том, что депортация практически уничтожила материальный слой калмыцкой культуры (хотя калмыки оставили в своих домах мебель, вещи, рукописи и многое другое, но все это исчезло, как будто этих вещей и не существовало). Здесь действовал тот же самый неофициальный подход, как и при «удалении» калмыцкого народа из числа победителей¹. Многообразие, которая была присуща еще довоенному советскому обществу, окончательно исчезла в советском государстве уже после войны [Туровская 2003: 237].

Идея возрождения родной республики

Родину, которая была «потеряна» для калмыцкого народа на долгие 13 лет и

¹ Конечно, в официальных документах так не утверждалось, но при этом калмыцкий и другие репрессивные народы полностью удалили из официальных упоминаний, не просто ликвидировали республики, а вычеркнули из истории советского государства. И даже представленные к различным наградам, званиям так и не были награждены по национальному признаку, что уже свидетельствует об «удалении» из списка победителей.

Этот же подход реализовался везде, даже в научных и научно-популярных работах, где удаляли под гнетом цензуры объективную информацию о калмыках. Взять, например, фундаментальную работу Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» [Санжеев 1953], где упоминается слово «калмыцкий» несколько раз, но только в наименовании книги А. А. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» [Санжеев 1953: 139, 184, 185, 192], хотя, как известно, калмыцкий язык принадлежит группе монгольских. Более того, в Большой советской энциклопедии, которая была издана в этот период (1950–1957 гг.), исчезла статья про калмыцкий народ [БСЭ 1953:445].

13 дней, вернули, но ведь для многих молодых калмыков малой родиной стали уже те регионы, где они родились или / и социализировались. В этом и заключается парадокс. Как снова инкорпорировать народ в то пространство, которое было отобрано и которое потом возвращено, а для части калмыков и вовсе новое? Однако именно эту идею возвращения, возрождения родины взяла на вооружение советская идеология и стала планомерно и систематически реализовывать ее, используя как один из способов конструирования общей советской идентичности. Идея возрождения, восстановления Калмыцкой АССР стала сплывающей и целительной для калмыцкого народа, оклеветанного, оскорбленного, униженного², которая позволила калмыкам ощутить себя на родной земле, почувствовать, что у них есть родина, заново освоить свое родное пространство.

Эта идея стала планомерно реализовываться в фотографиях, размещенных на страницах газеты «Хальмг үнн». Практически в каждом номере людей запечатлевали, когда они что-то возводят, строят. Именно эти фотографии и становятся символом возрождения родины, но при этом интересно, что нет ни одной фотографии разрушенной Элисты [Бембеев 2000: 219], как будто этой трагической страницы и не было в истории калмыцкого народа, кажется, что родина строится на новом месте, хотя и на освоенном ранее пространстве.

Возникает ощущение, что опыт войны, который подлежал переработке, некоторой замене, у калмыков сменился опытом травмы, связанной с депортацией. На десятилетие была «отложена» переработка опыта войны, ведь известно, что первым шагом «излечения» после войны было возвраще-

² Это отношение к себе калмыцкий народ испытывал долгое время, в особенности в период ссылки, когда действовали самые разные ограничения, начиная с постоянных прохождений процедур отметок в спецорганах, ограничений на передвижения в стране, в получении высшего образования (лицам калмыцкой национальности разрешалось поступать только на определенные специальности), творчестве и т. д. Более того, вплоть до восстановления калмыцкой республики калмыков не призывали в Советскую армию.

ние в родной дом, его восстановление (что является символом восстановления мира, возврата к нормальной жизни), а у калмыков не было такой возможности, поскольку их сняли с фронта Великой Отечественной войны и сразу же, как мы говорили ранее, отправили в Широкаг, а после войны тех, кто выжил в этом лагере, в места проживания их семей, т. е. в ссылку. Статус высланных навечно преследует калмыцкий народ и сегодня, практики историографии и мемориализации этого опыта частично состоялись в 1990-е гг., о чем свидетельствуют книги памяти, опубликованные стихийно, народно [Книги Памяти ... 1993а; Книги Памяти ... 1993б; Книги Памяти ... 1994а; Книги Памяти ... 1998; Книга Памяти ... 2000; и др.]. Однако этот процесс до сих пор не завершен.

В 1957 г., когда была восстановлена калмыцкая государственность, возвращение в республику напоминает «отложенное» на долгие годы чувство преодоления опыта войны и незаконной депортации. Возвращение к нормальной жизни, как видно из фотографий, опубликованных в газете «Хальмг үнн», стало проявляться через «строительство» быта, потому так много фотографий либостроек, либо построенных жилых домов, зданий учреждений и т. д. И самым главным героем этого возрождения республики выступала не партия, а человек: это прослеживается по фотографиям газеты, где много молодежи, которая строит, учится, читает и т. д. Получается, что опыт войны, опыт депортации был будто «упакован» и «отложен» на долгие годы, что приводит в конечном счете к чувству неполноценности, которое сопровождает нас и поныне.

Парадоксально, что на фотографиях газеты 1957–1964 гг. изображены люди, живые, улыбчивые, свободные, счастливые, занятые каким-то делом, сосредоточенные на цели, что соответствует так называемому лирическому «импрессионизму», искусству «оттепели» 1953–1957 гг., и суровому стилю, который появился как раз в этот период [Бобриков 2003]. Воспеваются «природная и телесная радость бытия, — рождающая быющую через край, избыточную силу, не

знающую усталости» [Бобриков 2003] и в то же время долг, ответственность за возрождение, восстановление республики, в общем везде запечатлен труд, работа. Радость на лицах людей была искренней от ощущения счастья вернувшихся домой людей, как на киноплёнках, фотографиях возвратившихся живыми с войны домой солдат, суровость, конечно, присутствует на некоторых фотографиях, но не везде, все же превалирует радость от созидания, радость от возрождения дома.

Заключение

В ходе анализа фотографий как визуальных свидетельств прошлого, опубликованных в региональной газете «Хальмг үнн» в период 1957–1964 гг., было выявлено, что в идеологические приемы, использовавшиеся в этот период, не включалась в полной мере тема Великой Отечественной войны, которая выступала одним из способов конструирования общей советской идентичности, поскольку Великая Отечественная война у калмыцкого народа навсегда теперь будет связана с его депортацией в восточные регионы страны. Визуальный ряд, создаваемый в республиканской газете, формирует образ восстанавливаемой республики, что, на наш взгляд, обусловлено спецификой ситуации, а именно с депортацией, которая была осуществлена в годы войны и к тому же была связана с лживыми обвинениями народа в предательстве в период войны. По этой причине центр использует идею возрождения республики, которую воспринимали калмыки как идею возрождения народа, освобождению его от обвинений, очищению от клейма депортированного народа, что выражается в лейтмотиве всех фотографий (стройка, новые дома, новые здания). Именно эта дискурсивная практика, используемая в газете, соответствует тем настроениям, которые фактически царили после возвращения из ссылки среди калмыцкого народа. Удачное сочетание реальных (положительных) эмоций людей и идеологических установок позволило сформировать нового советского человека в Калмыцкой АССР.

Литература

- Бембеев 2000 — *Бембеев Т. О.* Герой из героев // Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы / сост.: К. П. Катушов, Э. Б. Очинова. 2-е изд. Элиста: Калмиздат, 2000. С. 217–227.
- Бобриков 2003 — *Бобриков А. А.* Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал. 2003. № 51–52. [электронный ресурс] // URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/57/article/1137> (дата обращения: 15.08.2021).
- Богданова 2012 — *Богданова Н. М.* Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 2. С. 98–113.
- БСЭ 1953 — Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. Т. 19: Историзм — Канди. М.: БСЭ, 1953. 705 с.
- Бушмаков 2019 — *Бушмаков А. В.* «Пусть живет в веках беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне!» Память о войне и советская историческая политика в 1965–1980 гг. // Культурный код. 2019. № 3. С. 26–35.
- Гучинова 2021 — *Гучинова Э.-Б. М.* Нарративы детей Сибири о депортации калмыков. Интервью с В. И. Бадмаевым и А. Н. Овшиновым // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 722–742. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742
- Джамбинова и др. 2009 — *Джамбинова Р. А., Салдусова А. Г., Ханинова Р. М.* Литература // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Изд. дом. «Герел», 2009. С. 492–528.
- Добренко 2008 — *Добренко Е. А.* Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
- Итоги ... 1963 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
- Клинова, Трофимов 2021 — *Клинова М. А., Трофимов А. В.* Великая Отечественная война: коммеморативные практики и образы в газетной периодике (1946–1965 гг.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2(71). С. 36–45. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45.
- Книга Памяти ... 1993б — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2: Кн. 1. А–К. Высланы... Оставлены навечно / отв. за вып. Т. Ф. Овшинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 336 с.
- Книга Памяти ... 1994а — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2: Кн. 2. Л–Я. Высланы... Оставлены навечно... / отв. за вып. Т. Ф. Овшинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 544 с.
- Книга Памяти ... 1998 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2: Кн. 3. А–Я. Высланы... Оставлены навечно... / ред. совет: К. Н. Илюмжинов (пред.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 574 с.
- Книга Памяти ... 2000 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2: Кн. 4. А – Я. Высланы... Оставлены навечно... / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 343 с.
- Книга Памяти... 1993а — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1: Кн. 1. Ссылка калмыков: как это было. Сб. док. и материалов / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова [и др.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Краусс 2003 — *Краусс Р.* Подлинность авангарда и другие модернистские мифы / науч. ред. В. Мизиано; пер. с англ. А. Матвеевой, К. Кистяковской, А. Обуховой. М.: Художественный журнал, 2003. 317 с.
- Куканова и др. 2019 — *Куканова В. В., Баянова А. Т., Долеева А. О., Каджиев А. Ю., Манджикова Л. Б.* Национальная газета «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»): опыт анализа повседневности (на материале фотографий 1957–1959 гг.) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 13. № 6. С. 1107–1118. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118
- Куканова, Очинов 2021 — *Куканова В. В., Очинов У. Б.* Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири // *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 4. С. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Максимов 2009 — *Максимов К. Н.* Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943–1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Изд. дом. «Герел», 2009. С. 580–641.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Изд. дом «Герел», 2013. 464 с.

- Очиров 2021 — Очиров У. Б. Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Часть 1 // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 937–955. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955
- Очиров, Воробьева 2020 — Очиров У. Б., Воробьева В. Н. Калмыки-военнослужащие Красной армии в Широклаге: статистическое исследование // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-48-2-330-357
- Санжеев 1953 — Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 240 с.
- Туровская 2003 — Туровская М. И. Blow up или герой безгеройного времени – 2. М.: ГИК, 2003. 288 с.
- Убушаев 2007 — Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: КалмГУ, 2007. 496 с.
- Хрущев 1997 — Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 381–440.
- Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. III. Кн. 1) / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.
- Широкстрой 1994 — Широкстрой: Широклаг: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р. В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.

References

- Atueva V. Z. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 1. Book 2: Kalmyk Deportation. How It Was. Collected documents and materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 237 p. (In Russ.)
- Bairova A. B. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shirokstroy. Shiroklag. Name lists of Kalmyk soldiers and non-commissioned officers withdrawn from front line combat service in 1944–1945. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 1. Book 1: Kalmyk Deportation. How It Was. Collected documents and materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)
- Bembееv T. O. The hero of heroes. In: Katushov K. P., Ochirova E. B. Basan Gorodovikov: Memoirs, Studies, Documents. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. Pp. 217–227. (In Russ.)
- Bobrikov A. A. The severe style: Mobilization and cultural revolution. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 2003. No. 51–52. Available at: <http://moscow-artmagazine.com/issue/57/article/1137> (accessed: August 15, 2021). (In Russ.)
- Bogdanova N. M. Photography as a tool for sociological analysis of visual practices of self-presentation. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012. Vol. 15. No. 2. Pp. 98–113. (In Russ.)
- Bushmakov A. V. 'Let the unprecedented feat of the Soviet people in the Great Patriotic War live in the centuries!': Memory of the war and Soviet historical policy in 1965–1980. *Cultural Code*. 2019. No. 3. Pp. 26–35. (In Russ.)
- Dobrenko E. A. The Museum of the Revolution: Soviet Cinema and Stalinist Historical Narratives. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008. 424 p. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A., Saldusova A. G., Khaninova R. M. Literature. In: History of Kalmykia from Earliest Times to Present Day. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 492–528. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. 'Children of Siberia' and their narratives about the Kalmyk Deportation: Interviews with V. Badmaev and A. Ovshinov. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 722–742. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742
- Khrushchev N. S. On the cult of personality and its consequences: Report to the 20th Congress of the CPSU, 25 February 1956. In: Stalin I. V. Complete Works. Vol. 16. Moscow: Pisatel, 1997. Pp. 381–440. (In Russ.)
- Klinova M. A., Trofimov A. V. The Great Patriotic War: Commemorative practices and images in newspaper periodicals (1946–1965). *Ural Historical Journal*. 2021. No. 2(71). Pp. 36–45. (In Russ.) DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45
- Krauss R. The Originality of the Avant-Garde and Other Modernist Myths. V. Miziano (ed.), A. Matveeva et al. (transl.). Moscow: Khudozhestvennyi Zhurnal, 2003. 317 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bayanova A. T., Doleeva A. O., Kadzhiev A. Yu., Mandzhikova L. B. Nation-

- al newspaper *Khalmg Ünn* ('Kalmyk Pravda'): Analyzing everyday life (A case study of photographs of 1957–1959). *Oriental Studies*. 2019. Vol. 13. No. 6. Pp. 1107–1118. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118
- Kukanova V. V., Ochirov U. B. The vanishing history of 'thirteen years and thirteen days': Problems of searching and preserving archival materials on repressed Kalmyks in Siberia. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 744–763. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Maksimov K. N. Kalmykia in the Soviet Era: Policy and Realia. Elista: Gerel, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Repressions against Kalmyks and subsequent rehabilitation, 1943–1950s. In: History of Kalmykia from Earliest Times to Present Day. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 580–641. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 3: А–Я. The Deported and Left behind Forever. Executive Office of the President of the Republic of Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 574 p. (In Russ.)
- Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 4: А–Я. The Deported and Left behind Forever. Executive Office of the President of the Republic of Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 343 p. (In Russ.)
- Neyachenko R. V. (comp.), Oglaev Yu. O. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 2: Shirokstroy. Shiroklag. Collected memoirs of survived Kalmyk Red Army servicemen on Shirokovsky Forced Labor Camp. Elista: Dzhangar, 1994. 192 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The revived from oblivion: Struggling for historical memory of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Part 1. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 937–955. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical survey. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 330–357. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-48-2-330-357
- Ovshinova T. F. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 1: А–К. The Deported and Left behind Forever. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 336 p. (In Russ.)
- Ovshinova T. F. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 2: Л–Я. The Deported and Left behind Forever. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 544 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. A Comparative Mongolic Grammar. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 240 p. (In Russ.)
- The Soviet Census of 1959: Outcomes. RSFSR. Moscow: Gosstatizdat, 1963. 456 p. (In Russ.)
- Turovskaya M. I. Blow up: Or Heroes of Non-Heroic Times – 2. Moscow: GIK, 2003. 288 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. The Kalmyks: Deportation, Return, 1943–1957. Elista: Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)
- Vvedensky B. A. (ed.) Great Soviet Encyclopedia. Vol. 19: Историзм – Канди. Moscow: Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1953. 705 p. (In Russ.)

